
ТЕОРИЯ

К. Н. ЛЮБУТИН, П. Н. КОНДРАШОВ

ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА СЕГОДНЯ

В этом году философское сообщество отмечает две даты, связанные с именем Карла Генриха Маркса – одного из величайших мыслителей не только XIX столетия, но и всей истории человеческой мысли, которая не ограничивается только рамками собственно философии. Одна из этих дат грустная, вторая – радостная: 14 марта 2008 г. исполнилось 125 лет с момента смерти, а 5 мая этого же года – 190 лет со дня рождения мыслителя.

Разумеется, это повод поговорить или, как выражался М. Хайдеггер, «поболтать» о Марксе. Но думается, что на страницах журнала «Философия и общество», который в самые трудные для марксистской мысли в России годы, к сожалению, не закончившиеся и сегодня, всегда собирал вокруг себя марксистски мыслящих философов и историков, о Марксе «болтать» в связи с очередной юбилейной датой не только нельзя, но и кощунственно. На страницах журнала Маркс был всегда *живым*, а потому нас вовсе не интересует та грустная дата, о которой мы говорили вначале. Маркс живет и здравствует, – и поэтому нам хотелось бы порассуждать (а не «поболтать») о значении философии¹ К. Маркса именно *сегодня*, выявить те аспекты его философского учения, которые не просто «влачат жалкое существование» нынче в учебниках по истории философии², но действительно либо *живы* в современной философ-

¹ В предлагаемой статье мы ограничимся анализом только философских воззрений К. Маркса, оставив в стороне его политэкономии, политическое учение, роль Маркса в рабочем движении и т. д.

² К сожалению, следует констатировать тот печальный факт, что в современных учебных и справочных изданиях по истории философии и философии (за совершенно незначительным исключением) о Марксе либо вообще ничего не говорят, либо говорят полную чепуху, которая не имеет ничего общего с собственной философской позицией самого

ской мысли, либо могут быть востребованы ею в силу своего громадного эвристического потенциала.

Для того, чтобы понять современное значение и вообще *современность* марксовой философии, представляется необходимым в краткой форме изложить ее суть.

В своей философской системе К. Маркс исходит из учения о человеке как практическом существе, которое в процессе своего бытия преобразует окружающий мир в целях удовлетворения своих потребностей. В силу этого сущностью человека «вообще», по Марксу, является *свободная, творческая, сознательная, целесообразная преобразующая деятельность*. Практика оказывается фундаментальным способом человеческого (как индивидуального, так и общественного) бытия.

Изменяя окружающий мир, человек и общество постоянно создают все новые и новые условия своего внешнего существования, изменяя тем самым и самих себя как субъектов, ибо человек определяется совокупностью тех общественных отношений, в которые он вступает в процессе своего непосредственного существования. Это означает, что человеческая природа постоянно изменяется. Именно в этом смысле Маркс разделяет «человеческую природу вообще» и ее «модификации» в различные исторические эпохи. И первобытные, и средневековые, и «постсовременные» индивиды суть *люди* уже только потому, что все они производят свою жизнь посредством *практической деятельности*. Но, с другой стороны, в силу того, что деятельность всегда разворачивается в структуре конкретных общественных отношений и предметностей, которые конституируются в результате развертывания этой деятельности и вне которых она просто-напросто не существует. А коль скоро это так, то различные типы отношений (то есть взаимосвязей между людьми и вещами, порожденных осуществляемой практикой) детерминируют различные по своему содержанию типы деятельности, а значит, и различные типы *человека*. Люди, занимающиеся

Маркса, либо, сказав несколько слов о биографии мыслителя, без детального разбора его учения сразу же приступают к очернительской критике этого учения. Думается, что анализ и критика подобных историко-философских изысканий, игнорирующих одного из крупнейших мыслителей всех времен, должны стать насущной потребностью марксистских историков философии.

различной деятельностью (например, крестьяне и промышленные рабочие), существующие в различных системах деятельности (скажем, при феодализме и капитализме), суть *различные* люди, но при всем своем различии, при всей своей разности они, тем не менее, *люди*, ибо обладают способностью к деятельности, то есть сущностью, свойственной всем людям, – *человеческой сущностью*. Сущность этих социально-исторических модификаций можно понять только тогда, когда практика рассматривается не в качестве чистого акта преобразования, а в качестве *тотальности* своих имманентных содержаний и структур. Именно подобное тотализирующее рассмотрение практики как внутренне взаимосвязанной и упорядоченной системы элементов и их связей позволило Марксу перейти от абстракций типа *homo faber* и *homo creator* к анализу *конкретно-исторических типов человека*. Человек, таким образом, понимается Марксом как практическое существо, *неразрывно* связанное с тем природным, предметным и социальным миром, в котором оно существует.

В процессе своего непосредственного существования, то есть совместной реализации практики, люди изменяют природную среду и создают искусственный мир предметов – культуру. Производя и воспроизводя свою материальную жизнь, человек постепенно приобретает потребность в регулировании своего собственного жизненного (прежде всего производственного) процесса. В результате этого над производственной сферой (базисом) постепенно надстраивается правовая система (надстройка). В своей совокупности базис и надстройка дают *общественное бытие*. Процессы, происходящие в общественном бытии, рано или поздно начинают осмысляться людьми в самых различных формах: повседневных, правовых, художественных, религиозных, идеологических, моральных, философских. Такое социальное отражение и осмысление бытийных процессов называется *общественным сознанием*. В своей неразрывной диалектической совокупности общественное бытие и общественное сознание составляют *социальную реальность, социальный универсум*, который есть *тотальность*, развертывающаяся непосредственность человеческого присутствия в мире.

Изменяя в своей практической деятельности мир, люди преобразуют данный им изначально (априорный) универсум и формиру-

ют новый (апостериорный). Так возникает *историчность* человеческого существования, понимающаяся К. Марксом как процесс, в котором деятельность каждого нового поколения людей укоренена в априорном универсуме, созданном деятельностью всех предшествующих поколений, то есть каждое последующее поколение начинает существовать на основе, созданной другими. Это преемственный процесс, в котором соответственно возможны как прогрессивные, усложняющиеся, так и регрессивные движения.

Этот процесс означает, что содержание социального бытия постоянно изменяется, а так как в основе историчности лежит преобразующая деятельность людей, то Маркс выделяет несколько этапов развития форм этой деятельности в истории. Основная его периодизация истории связана с изменением самого характера человеческой деятельности: (1) сначала имеет место личная зависимость, которая развивается в (2) зависимость вещную при личной независимости, и в конце концов возникает (3) полная свобода – свободная индивидуальность. Если для периода предыстории характерно доминирование, даже почти тотальное господство *экономической деятельности*, которую Маркс в ранних трудах называет *трудом* (*die Arbeit*) и которая связана с отчуждением, то для будущей эпохи *истории*, напротив, будет характерно доминирование свободной деятельности, то есть осуществление подлинно человеческой природы, – в постэкономической формации будет иметь место неотчужденная форма деятельности. Таким образом, исторический процесс постепенно объективно движется к осуществлению человеческой свободы, которую Маркс понимает как получение человеком наслаждения от своей собственной деятельности.

Вся философия Маркса (как антропология, так и социально-экономический и социально-исторический анализ) пронизана идеей преодоления отчуждения, а потому эта философия с неизбежностью оказывается философией гуманистической. Это философия человеческого бытия как деяния. Онтологический аспект ее – интерпретация действительности в качестве данной человеку в формах практической деятельности. Это онтология незавершенного человеческого мира и самого человека в нем. Исток онтологической картины – в самом человеке, в его практике. Поэтому философия Маркса содержательно теоретична и одновременно аксиоло-

гична. Она замыкается на экзистенциальных проблемах, решение которых базируется на обоснованных практически принципе материальности и принципе развития. Они выведены из анализа взаимодействия субъекта и объекта, целеполагающей и целереализующей деятельности.

Какое же значение имеет это философское учение К. Маркса, что востребовано (или может быть востребовано) из нее сегодня? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем выделить несколько основополагающих пунктов.

Общезначимое значение. Философия К. Маркса значительно повлияла на развитие общественно-научного знания в XIX–XXI вв. Так, например, один из самых известных антимарксистов Д. Белл в свое время на вопрос о том, как он относится к марксизму, сказал: «Я подвергся нападкам советских идеологов, потому что они считали, что я – антимарксист. Но я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многие в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранили свое значение и вошли в современные теории, как и результаты любых глубоких концептуальных обобщений. Я бы скорее назвал себя постмарксистом в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме»³. Белл фактически признает то, что марксистские теоретические построения до такой степени вжились в социальную теорию, что, по сути дела, стали интериоризированными, неосознаваемыми, инстинктивными, ибо социологи, не упоминая Маркса или даже критикуя его, тем не менее «чувствуют» социум «по Марксу».

Относительно современной социологии можно сказать, что она представляет собой сознательный или бессознательный диалог (критический, апологетический или творческий) с концепцией Маркса. Как заметили П. Бергер и Т. Лукман, «бесспорно, что “борьба с Марксом”, которая была характерна не только для социологии знания на начальной стадии ее развития, но и для “клас-

³ Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования – М., 1999. В своих работах Д. Белл употребляет термин «постмарксизм», но не в смысле современного постмарксизма Ш. Муфф, Э. Лакло, М. Хардта и А. Негри, *cultural studies* С. Холла или *постколониальных исследований*. Интересную критику последних с лакано-марксистской точки зрения можно найти в работах Славоя Жижека (см., например, его работу «13 попыток о Ленине»).

сического периода” социологии вообще (особенно явная в работах Вебера, Дюркгейма, Парето), на самом деле была по большей части борьбой с ошибочной интерпретацией Маркса современными марксистами»⁴.

Системность. Если под *системой* понимать совокупность элементов, структурно-функционально связанных между собой и представляющих имманентную целостность, то марксова философия предстает именно такой *системой*. Все ее структурные части действительно составляют тотальность, такую тотальность, сквозь призму отдельного элемента которой можно в разных ракурсах увидеть как все другие элементы, так и всю систему в целом. Речь идет не столько о «логической непротиворечивости» марксовской философии, сколько о ее имманентной *концептуальности*, или *концептуальной имманентной взаимосвязанности*, центрированной на проблеме «человек – мир», которую идея праксиса пронизывает всю насквозь. К сожалению, современные философские школы и направления в большинстве своем сознательно проповедуют антисистемность и антиконцептуальность. Например, постмодернисты не замечают, что если из философии (и науки вообще) элиминировать систематичность и превратить все в бессвязные ризоматические «нарративы», то систематичность элиминируется и из мышления, и из человеческой практики. Маркс в этом случае предложил бы проделать следующий мыслительный эксперимент⁵: представим себе, что все стали «мыслить» по-постмодернистски. К чему это приведет? В литературоведении – ни к чему. А вот на ядерной электростанции – к катастрофе. Ибо в «действительности» ядерные реакции – это не «рассказы физиков о ядерных реакциях» и не «лингвистические конструкции», как считают постмодернисты, а *объективно существующие явления, обладающие своей имманентной логикой бытия, совершенно не зависящей от наших «лингвистических конструкций»*. Вне системности человеческого мышления и систематичности человеческой практики совместное бытие людей и наука принципиально оказываются *невозможными*.

⁴ Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

⁵ См. в отношении Л. Фейербаха: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 43.

Марксова философия в этом смысле играет сегодня роль почти единственного ориентира для создания широкого *систематического* базиса современной науки.

Методология. «Действительное положение дел» (коррелят истины в классической теории истины) эксплицируется *наукой*, которая выявляет закономерности развития и функционирования тех или иных явлений в мире. Выявление закономерностей осуществляется с помощью той или иной *методологии*. Отсюда и возникает вопрос о том, способна ли та или иная философская концепция посредством своей методологии *объяснить* закономерности развития явлений на современном этапе. Известно, что философская мысль является духовной квинтэссенцией определенной эпохи, то есть возникает как мыслительное отражение и объяснение этой эпохи. Но это только внешняя сущность философии, внутренняя ее интенция – объяснить мир в его тотальности не только на данном исторически ограниченном этапе развития, но и объяснить мир и все его структурные моменты, взятые в их целостности, *вообще*⁶.

Марксизм изначально проявил весьма интенсивную способность распространять свою объяснительную (или, по крайней мере, дескриптивную) силу на различные стороны бытия в целом. Философия самого Маркса не выходила за рамки социальной сферы, но уже Ф. Энгельс предпринял попытку в марксистском ключе понять *диалектику природы*, обобщить данные новейшего естествознания с марксистской (то есть *диалектико-материалистической*) точки зрения. Последующие марксисты приложили методологию Маркса к объяснению и пониманию культуры, государства, этики, эстетики, проблем художественного творчества, языка, диалектической логики, литературы, процесса познания, к сфере психологии и зоопсихологии, психиатрии, функционирования нестабильных систем, к анализу международных отношений, микроэкономике, к истории и методологии истории, археологии, педагогике и т. д.

При этом, конечно, Марксовы положения перерабатывались в соответствии с новыми реалиями XX в., но неизменной оставалась

⁶ Интересно заметить, что даже постмодернизм, начинавшийся в литературоведении, сегодня перешел уже и к «объяснению» явлений, которые относятся к «епархии» естествознания. Что из этого получилось, можно узнать из весьма поучительной книги для философов, которую написали физики: Сокал, А., Брикмон, Ж. Интеллектуальные уловки. – М., 2000.

методология исследования – *материалистическая диалектика*, суть которой состоит в том, что, во-первых, все явления рассматриваются как материальные системы или как такие комплексы, которые сущностно определены функционированием материальных систем; во-вторых, все эти материальные, или «вторично материальные», системы находятся в постоянном движении, развитии, изменении. В силу того, что динамика развития определяется внутренними противоречиями, которые возникают в *самых* этих системах, то марксистская методология оказывается «имманентной» самому миру, так как не прибегает к помощи «трансцендентных» объяснительных конструкций или сил вроде божественного провидения. Диалектика для *Маркса* – это имманентная динамика социального мира, его развитие из внутренних противоречий, которые возникают не логическим, а *историческим* путем. Логику (и внутреннюю, и внешнюю) этого исторического процесса мы можем эксплицировать только *a posteriori*. Никакой априорной логики истории в смысле гегелевской диалектики или теологии истории Августина для *Маркса*, безусловно, не существует. Существует конкретно-исторический универсум, у которого есть имманентная ему самому логика развития, и понять эту логику можно только исследовав *конкретность* этого универсума в его внутренних противоречиях и динамике.

Марксистская методология материалистической диалектики оказалась способной объяснить не только социальные явления капиталистической эпохи и истории человечества в целом, но и позволила «втянуть» в свою объяснительную способность фактически все сферы бытия в целом. Более того, хотелось бы также особо отметить два важных момента, связанных с *будущим* марксистской методологии. Во-первых, удивительная способность ее проникать в совершенно гетерогенные области бытия, по всей видимости, позволяла ей ранее и позволит в будущем *объяснять* впервые возникающие феномены. Думается, именно поэтому данная методология оказывается внутренне *неисчерпаемой*, исторически преходящие формы самого марксизма всегда будут *марксизмом* в силу своей приверженности *методу*, а не верности содержанию той или иной формы.

Социальная философия. Сегодня в социологии широкое распространение получила так называемая парадигма взаимодействия

(интеракции), идеи которой восходят к М. Веберу и в рамках которой работают социальные феноменологи, символические интеракционисты, этнометодологи. С их точки зрения, субстанцией социального бытия (социальностью) является совокупность символических интеракций, посредством которых индивиды по определенным схемам, конституирующимся в повседневных структурах, интерпретируют поведение друг друга и взаимодействуют на основе этих интерпретаций. В этой теории действительно схватывается весьма важный момент, однако это лишь момент объяснения *социального поведения*, но никак не субстанции социального бытия. Маркс же говорит, что социальность – это совместная практическая (материальная и духовная) деятельность людей, посредством которой люди совместно производят и воспроизводят свою индивидуальную и общественную жизнь. В результате осуществления этой деятельности постепенно конституируется социальная реальность со всеми своими сложнейшими структурами. Среди этих структур, несомненно, значительное место занимают и «символические интеракции» индивидов. Но вот с точки зрения фундаментальности они никак не могут быть *субстанцией* социального бытия, ибо они не *лежат в основании*⁷. А вот практическая деятельность действительно находится в основе общественного бытия: если прекратится практика, то вместе с ней исчезнет и само общество, а с ним – и «символические интеракции».

Еще одним важным достижением мысли Маркса является открытие социального закона о детерминации общественного сознания общественным бытием. Как только не смеялись в свое время антимарксисты над этим законом; но если мы откроем сегодня ведущие западные философские и социологические (прежде всего европейские) журналы, то с удивлением обнаружим, что 50–60 % статей в них так или иначе ориентируются именно на этот закон, но имя его первооткрывателя умалчивается. Умалчивается потому, что многие западные философы (впрочем, как и отечественные) либо знают подлинного Маркса понаслышке, либо вообще не знают. Но дело не в этом, а в том, что именно современная эпоха открыла возможность непосредственно, наглядно *верифицировать*

⁷ Лат. *substantia* переводится как *под-лежащее* – *лежащее в основе*.

справедливость этого Марксова закона: когда появляются новые товары (например, мобильные телефоны), то широкие массы сразу же начинают «мыслить» в соответствии с новыми формами «бытия». Безусловно, это примитивный пример, но, на наш взгляд, он вполне адекватно отражает современную ситуацию массовости. Поэтому анализ этой ситуации никак не может обойтись без марксистской методологии. Маркс в отличие от большинства философов истории дает четкое определение историчности, выявляет ее бытийные, фундаментальные основания и механизмы, особенно периода возникновения и становления капитализма. Но самое важное, чего достиг Маркс в своей философии истории, состоит, во-первых, в том, что он каузально связал исторический процесс с жизненным, социально-бытийным процессом вообще; во-вторых, в том, что история предстала у него в виде всемирного процесса, в ходе которого первоначально замкнутые «культуры» посредством расширения мирового рынка постепенно втягиваются в единое целое, в *мировой рынок*, а значит, и в *мировую тотальность*. Сегодня это называют «глобализацией» и удивляются: откуда она вдруг ни с того ни с сего возникла? Маркс показал неизбежность такого процесса еще в XIX в. Хотя бы только в силу этого Марксов анализ исторического процесса и методология такого анализа оказываются радикально востребованными именно сегодня в целях адекватного понимания глобализационных процессов, происходящих в мире, особенно в связи с распространением разного рода теорий «локальных цивилизаций».

История философии. Методология материалистического понимания истории дает нам возможность *систематического* воспроизведения истории духовного процесса в самой тесной его связи с «действительным жизненным процессом»⁸. Самое важное здесь состоит в том, что история философии предстает перед нами, во-первых, в каузальной связи с социально-экономическими, социально-политическими и культурными процессами определенной эпохи, то есть оказывается включенной в ткань социального бытия, – философская мысль и бытийный процесс предстают перед нами как комплексная системность; во-вторых, каждая философ-

⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* // Соч. – Т. 3. – С. 25.

ская эпоха в целом и мысль каждого отдельного мыслителя понимаются как определенные ступени, шаги, следующие друг за другом по определенной логике, имманентной самой мысли. Оба этих момента дают возможность представить историко-философский процесс не только в этой логике, но и *систематически*. Ни того, ни другого мы, к сожалению, не находим в современных учебниках по истории философии.

Гуманизм. Как видно из изложенной философской системы К. Маркса, вся его теория пронизана гуманистической проблематикой: он начинает с философского учения о сущности человека как практического существа, переходит к социальному миру, который представляет собой не что иное, как мир человека, возникающий в совместной человеческой практике, и наконец завершает свое учение философией истории, в которой фиксируется общая историческая тенденция (но не «логический» закон!) полного освобождения человека от внешней зависимости и развитие всех его сугубо человеческих способностей. Учение Маркса о человеке неотделимо от гуманизма. Этот гуманистический лейтмотив Марксовской философии, на наш взгляд, весьма важен именно в современный момент, когда обесчеловеченность достигла своего апогея, когда исключение человека (субъекта) из его собственного предметного мира выразилось наиболее радикально в учении постмодернистов о «смерти автора», о «самопродуцировании симулякров» и «письма без субъекта»⁹. Маркс, напротив, показал, что все подобные «структуралистские» идеи бессубъектности – всего лишь иллюзорная видимость поверхности исторического и социального процессов. Если мы заглянем «по ту сторону» этих процессов, то с неизбежностью обнаружим там движущую, но не всегда эксплицитно заметную силу, которая приводит социально-исторический механизм в действие, обнаружим там *действующих человеческих индивидов*.

Это одна сторона Марксова учения о гуманизме. Вторая состоит в том, что это учение позволяет четко определить само существование понятия «гуманизм». Исходя из учения Маркса о сущности челове-

⁹ Собственно говоря, марксистский анализ как раз и вскрывает социальные (материальные) корни генезиса постмодернизма: он является действительным выразителем «духа эпохи». И именно поэтому марксистская критика должна быть направлена не столько против постмодернизма, сколько против того мира, который его породил.

ка, гуманизм мы можем определить как такую ситуацию, в которой люди способны свободно (объективно и субъективно) реализовывать свои замыслы в практической деятельности и при этом получать *удовольствие* от самого акта этой практической самореализации в мире, наслаждаясь предметностью *субъективно* при ее непосредственном утверждении и *объективно* – когда наслаждаются другие. Только создание условий, при которых люди будут свободно наслаждаться своей собственной деятельностью, и даст «гуманизм». Все остальное – только лишь лицемерные разговоры о «человеке», скрывающие радикально бесчеловечную действительность.

Отчуждение. В связи с понятием гуманизма с неизбежностью всплывает тема отчуждения, которая, по мнению многих марксистских и немарксистских исследователей, для К. Маркса являлась центральной. Актуальность марксистского подхода к проблеме отчуждения сегодня не вызывает сомнения¹⁰, ибо отчуждение никуда не исчезло, а, напротив, приобретает все более и более скрытые, но тотализирующие формы. Однако некоторые авторы высказывают мысль, что подход собственно самого Маркса уже устарел, что появилось много новых идей в этой области (Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон). Но она не выдерживает серьезной критики и разрушается, как только мы обратимся к рассмотрению существа этих новых теорий отчуждения. Например, теории гиперреальности Жана Бодрийяра. В свое время Маркс показал механизмы товарного фетишизма и вскрыл их. Сегодня Бодрийяр говорит о виртуальном фетишизме: происходит фетишизация не означаемых, а означающих¹¹: сегодня пьют не *пиво*, а «*Клинское*», сегодня смотрят не *кино*, а *раскрученные блокбастеры* или *Тарантино*. Знак подменяет субстанцию товара, его действительную полезность: бренд костюма или мода оказываются более важными, чем удобство этого костюма для действительной носки. Сегодня у вас спросят не «Как костюмчик сидит?», а «Вам лучше Gucci или Cardin?». Удовольствие доставляет не предмет (что предполагало бы *человечность*), а обладание престижностью марки этого товара. Фетишизируется не товар, а его потребление, из которого выпотрошены все потре-

¹⁰ См., например: Валлерстайн, И. После либерализма. – М., 2003. – С. 204–215.

¹¹ Baudrillard, J. Pour une critique de l'économie politique du signe. – Paris: Gallimard, 1972.

бительные свойства. Все это верно подмечено Бодрийяром, но при этом он впадает в иллюзию, что «по ту сторону» виртуализации *не стоит никакой экономики*: экономика все больше и больше начинает приобретать внешние черты «виртуального» феномена, так как многие ее параметры сегодня при поверхностном взгляде кажутся тотально зависимыми от биржевых спекуляций и игр на финансовых площадках. Эти явления «виртуализации» экономики в свою очередь отражаются в головах интеллектуалов в виде идеи о «смерти экономики», означающей, что «экономика при этом оказывается просто-напросто упраздненной, как эпифеномен, побежденный своим собственным подобием и высшей логикой»¹². Именно это Маркс и называл *видимостью*: если сидеть дома и смотреть только телевизор, то в голове рано или поздно действительно сформируется иллюзия, согласно которой весь мир – это чистая виртуальность, а экономика – игра на бирже, а не повседневный труд миллионов рабочих и крестьян.

За всяким феноменом социальной реальности (в том числе и за симулякром) надо *видеть* человеческую деятельность, которая этот феномен порождает. Поэтому праксеологическая методология Маркса до сих пор остается непревзойденной как в области анализа различных форм отчуждения¹³, так и в сфере аналитики иных социальных проблем¹⁴.

Философское образование¹⁵. Особую актуальность, на наш взгляд, философия К. Маркса имеет в сфере образования. Философское образование сегодня превратилось либо в набор каких-то околонучных и религиозных измышлений, либо в простое бессвязное перечисление философских учений без их критического

¹² Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. – М., 2000. – С. 52.

¹³ Именно с помощью марксистского метода исследования сегодня предпринимаются удачные попытки исследовать такие проблемы, как агрессия, безразличная равнодушность, элиминация интимности и рост рыночной всеоткрытости, повседневность, современное молодежное искусство (в первую очередь – музыкальное: как «попса», так и «heavy metal»), мотивация и менеджмент, потребительская психология, примитивизация мышления, гламур и многие другие формы отчуждения или явления, связанные с отчуждением.

¹⁴ Вообще о «современности» Марксовой теории отчуждения см.: Парцвания, В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб., 2003.

¹⁵ Речь идет здесь не только о философском образовании *философов*, обучающихся на специализированных факультетах, но прежде всего о преподавании философии в средней и высшей школе.

анализа. В обоих случаях философия теряет свои наиболее важные функции – *мировоззренческую, методологическую и критическую*.

Почти ни один из современных учебников по философии для вузов не имеет четко сформулированной мировоззренческой позиции, а представляет собой эклектический набор рассуждений на философские темы, взятые из совершенно разных (порой противоположных) источников¹⁶. Так, например, в учении о материи идут рассуждения Энгельса, Ленина, современных физиков, а в учении о морали мы вдруг встречаемся с В. Соловьевым. При этом авторы не замечают противоречия между этими позициями (ленинское учение о материи *несовместимо* с соловьевским учением о добре!). О каком систематическом мировоззрении (действительно необходимом любому человеку) можно говорить в таком случае?! Более того, в «постмодернистских» учебниках по философии сама философия превращается в посмешище¹⁷. Систематическую философию (даже в виде учебного пособия) можно создать, конечно, не только на марксистской основе, но и на основе иной философской традиции (что весьма успешно демонстрируют, например, неотомисты).

Отсюда вырастает и неспособность современного выпускника мыслить *критически*, ибо Ленин и Соловьев подаются просто как «философы», что воспринимается как «единомышленники». Критическая функция философии состоит не в том совершенно примитивном приеме, который сводится к попытке «опровергнуть» не понравившееся нам учение (будь то материализм, идеализм, эмпиризм, рационализм, экзистенциализм, марксизм или пресловутый постмодернизм), а в том, чтобы путем тщательного анализа вскрыть сущностные противоречия не *внутри* критикуемого учения (противоречия, которые явно или неявно содержатся в *каждом* философском учении), а те, в которые это учение впадает при сопоставлении с *наличным положением дел*.

¹⁶ Приятное исключение составляет классический учебник И. А. Гобозова «Социальная философия». – М., 2007.

¹⁷ Достаточно посмотреть на книгу «Что такое философия?» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. То же самое относится и к полуфеноменологическому «Введению в философию» М. К. Мармардашвили (как бы мы к нему хорошо ни относились в других отношениях) и к экзистенциалистской работе «Что такое философия?» Х. Ортеги-и-Гассета. Ни в одной из этих работ нет никакой *системы* мысли.

Сегодня в российской образовательной системе доминирует превратное отношение к марксизму, который смешивают с советским марксизмом-ленинизмом. Понять такое отношение можно, особенно в связи с догматизмом и обязательностью последнего в структуре советского образования. Но при этом хотелось бы сказать несколько слов и в защиту официального диамата/истмата: несмотря на весь свой догматизм и «обязаловку», марксизм-ленинизм сыграл весьма положительную роль в среднем и высшем техническом образовании, так как он предоставлял людям возможность сформировать действительно *системное теоретическое научное мировоззрение*, чего не могут дать современные учебники философии. Даже известная «пятичленка», которую справедливо ругают за формализм, весьма продуктивна в чисто *дидактических* целях, особенно в условиях средней школы, когда у ребенка формируется «чувство истории», которое никогда не сможет сформироваться посредством разного рода цивилизационных концепций.

Итак, мы видим, что философия К. Маркса не устарела сегодня по многим параметрам. Более того, в период нынешнего безвременья марксистские исследования, ориентированные на системность, научность и методологию материалистической диалектики, могут дать действительные ориентиры для выхода из того духовного кризиса, в котором сегодня находится не только российская, но и мировая философская мысль.